

Натюрморт из вождей

Илья Машков в Третьяковке

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 27 АВГУСТА. - С. 8

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

В Третьяковской галерее в Инженерном корпусе открылась 26-я выставка из серии «Золотая карта России». Волгоградский художественный музей представил свою коллекцию работ Ильи Машкова. Его творчество потрясло воображение обозревателя „Ъ“ ГРИГОРИЯ РЕВЗИНА.

В Инженерном корпусе Третьяковской галереи царил атмосфера привычного сонного уюта. Все ж таки, когда проводится 26-я пресс-конференция про выставку из провинциального русского музея, все становится предсказуемым, как типовой сюжет в соннике. «Увидеть во сне газету означает, что в ваших делах обнаружится обман и ваша репутация будет опорочена», — сообщает сонник Миллера, а какая именно газета приснилась — неважно, все равно опорочат. Если провинциальный музей выставили в Третьяковке, его восславят, а какой именно, неважно, все равно восславят.

Директор волгоградского музея Татьяна Додина рассказывала о своем молодом (открылся в 1963 году) музее, о роли его тогдашней хранительницы Ирины Непокупной, которая благодаря настойчивости и искренней дружбе с Марией Машковой-Даниловой смогла собрать внушительную коллекцию работ Ильи Машкова прямо из семьи художника. Депутат Государственной думы от Волгограда, заслуженный учитель СССР, коммунистка Алевтина Апарина добрым голосом задавала из зала наводящие вопросы. Ее интересовало, был ли Илья Машков, ее, как она говорила, земляк, реалистом и романтиком. Заместитель директора Третьяковки Лидия Иовлева уклончиво соглашалась. Да, говорила она, был ему свойственен спонтанный романтизм, и любил он жизнь, и был реалистом. Правы вы, Алевтина Викторовна, но, с другой стороны, слова эти не совсем про него, вашего земляка, а был он «бубновалетовцем», зажатый советской властью в прокрустово ложе идеологии. Но зажатый во многом искренне, потому что любил все и во всех проявлениях. В голосах дам было такое неспешное прекраснотушение, что стоило закрыть глаза, и казалось, в воздухе разливается дачный запах бабушкиного крыжовенного варенья.

Меж тем в выставочном зале творилось черт знает что. Там висела работа Ильи Машкова «Привет XVII Съезду ВКП(б)».

«Хлеба советские» Ильи Машкова привезли на пробу в Третьяковскую галерею из Волгограда ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

Значит, стоит такой буфет из простой карельской березы. На буфете на задней стенке приклеена красная бумажная звезда. На ее фоне на верхней полке стоит бюст Владимира Ильича Ленина из темной бронзы. Ниже располагается бюст товарища Сталина, белый, видимо, гипсовый. По бокам от него, на полступеньки ниже и вполоборот, поставлены бюсты Карла Маркса из светлой бронзы и Фридриха Энгельса, чугунный. Рядом с товарищем Сталиным были поставлены две большие, отчасти перезревшие розовые розы, а выше — четыре ярких больших цветка, по виду сказать — мака, причем два из них по бокам от Ленина, а два — над Марксом и Энгельсом, так что чашечки одних прикрывают темечки других, как сушиары прикрывают головы в дамских парикмахерских. Нижняя часть композиции забрана хризантемами и бархотками. Для полноты счастья у бюста Сталина выложено несколько крупных свежих черешен и вишен.

Жуткое зрелище. Это такой домашний иконостас в форме натюрморта. Специфика натюрморта заключается в том, что художник всегда составляет его сам, а не фиксирует быстрой рукой что-то, встретившееся ему в природе. Впрочем, составляя, имеет все же в виду какую-то жизненную ситуацию — то ли продукты, принесенные с рынка, то ли сервированный к трапезе стол. Здесь, возможно, Илья Машков тоже имел в виду нечто жизненное, и даже можно представить себе — что. Хотя XVII Съезд (Съезд победителей, 70% делегатов которого были в 1937-м репрессированы) открылся в январе, но натюрморт писался летом, в преддверии. Летний сезон 33-го года художник проводил в родной станице Михайловская Урюпинского района Волгоградской области. И можно представить себе какую-нибудь станичную, комсомолку, Алевтину, к примеру, по имени, которая, прослышав о будущей великой

радости, с девичьим усердием собрала у себя на буфете этаким иконостас. Собственно, на выставке есть даже потенциальные кандидатки на это дело — «пионерка с горном», «девушка с табачной плантации» и «колхозница с тыквами». Все они при некоторой перезрелой колхозной дебелости женских форм демонстрируют такую незамутненность зора, что вполне на это способны.

Впрочем, можно предположить, что тут происходило и нечто обратное. Тут же, на выставке, есть натюрморт Ильи Машкова «Хлеба советские», где разнообразная выпечка — батонны, булочки, сушки, баранки, кренделя, кексы и маковые рулетики — вместе изображают герб Советского Союза. Все это выпекалось по его эскизам и личному заказу, и, может быть, пожилые читатели вместе со мной вспомнят символические композиции из выпечки, которыми украшались в советское время витрины булочных, надо

сказать, с тем же шизоидным усердием. Тут художник подсказал путь народу, и надолго — до 70-х годов. Возможно, в случае с «приветом Съезду» происходило то же самое, и, увидев его картину, младые станичницы Алевтина, Лидия и Татьяна, сияя глазами, бежали до хаты собирать предсъездный натюрморт.

Не суть важно. Это не произведение соц-арта, не шутка. Машков — художник невероятного дарования, рисовать он умеет, как Рубенс или Халс, это такая маэстрия, какая почти не встречается в русской живописи, и портрет бюста Маркса по острой схваченности объема и теплой наплывающей фактуре бликующей бронзы сравним с лучшими портретами Валентина Серова. Рисует он этот натюрморт без тени насмешки, наоборот, он пытается передать даже не столько формы этих бюстов, это само собой, это для него азбука, сколько теплоту и чистоту той народной религиозности, которая эти бюсты ласкает, про-

тирает к празднику, расставляет на буфете и украшает цветами и черешенками.

Мы можем судить о его искренности хотя бы по тому, что он делал в своей станице, а делал он, как показано на выставке, дом социалистической культуры. И хотелось ему, чтобы был там колхозный университет, и агрокружок, и радиоузел, и антенна, и актовый зал. Надо ли говорить, что весь этот комплекс располагался в разоренной церкви. Я не могу подобрать этому аналогов. Это как будто мир героев Платонова с их помраченным сознанием описывал бы своей прекрасной прозой Алексей Толстой, причем ничем не давая понять, что его собственное сознание от них отличается. Да и вовсе не отличается, Машков не издевается, он ликует, он восхищен цельностью народной души, в которой Сталин так чисто, так естественно заменил собой Христа, Ленин — Бога-отца, а Маркс с Энгельсом — предстоящих Иоанна и Богоматерь.

Естественное чувство предполагает, что человек, обладающий таким живописным талантом, как-то не может не владеть простым навыком различения добра и зла. А тут что-то такое щелкает, и он утрачивает эту способность, вовсе не утрачивая таланта. На фоне этой атрофии нравственного чувства не только благодушная ирония искусствоведа по поводу добронравных попыток применить к земляку слова «реалист» и «романтик», но все наши рассуждения о «Бубновом валете», о сезаннизме, футуризме и кубизме как-то мало чего стоят. Понимаете, это как если бы в роскошной сталинской «Книге о вкусной и здоровой пище» давался бы рецепт изготовления фрикасе из врага народа. И ее бы переиздавали, а какой-нибудь видный деятель культуры, гурман и хлебосол, сидя на даче, рассказывал бы под крыжовенное варенье — да, едал, чуть сладковато, напоминает молодую зайчатику. И мы бы его ценили, уважали, да и просто по-человечески ему симпатизировали. Потому что ведь какой талант, какой жизненный путь, он еще в 1910-е годы одно, а в 20-е годы другое, и Тугенхольд про него сказал, и в Тугенхайме его представляли, да и просто гений же, гений! А что людоед, так ведь что вы хотите? Его положили на прокрустово ложе идеологии. И он там спал легко и счастливо, посяпывая и чмокая как невинное дитя.